

Артур Конан Дойл

ЭТЮД
В БАГРОВЫХ ТОНАХ
♦
ПРИКЛЮЧЕНИЯ
ШЕРЛОКА ХОЛМСА

Санкт-Петербург

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44
Д 62

Перевод с английского
Людмилы Бриловой, Сергея Сухарева
Серийное оформление Вадима Пожидаева
Иллюстрации Йозефа Фридриха, Сидни Пэджета
Иллюстрация на обложке Виталия Еклериса
Иллюстрация на переднем форзаце
(схема квартиры на Бейкер-стрит, 221Б) Расселла Статлера
221B Baker Street Illustration © Russell H. Stutler
Иллюстрация на заднем форзаце (карта Бейкер-стрит и окрестностей)
воспроизводится по книге:
Herbert Fry. LONDON. Bird's Eye Views of the Principal Streets.
W. H. Allen & Co: London, 1887
Составители
Александр Лютиков, Михаил Назаренко

© Л. Ю. Брилова, перевод, 2016
© С. Л. Сухарев (наследник), перевод, 2016
© Издание на русском языке, состав,
оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2025
Издательство Азбука®

ISBN 978-5-389-28984-0

ИЗ КНИГИ «ВОСПОМИНАНИЯ И ПРИКЛЮЧЕНИЯ»

РАННИЕ ВОСПОМИНАНИЯ

Родился я 22 мая 1859 года, в Эдинбурге, на Пикардийской площади, названной так потому, что в прежние дни там обитала колония французских гугенотов. О детстве мне сказать почти нечего — кроме того, что обстановка меня окружала спартанская как дома, так и тем более в эдинбургской школе, где учитель старой закалки, со своим вечным ремнем, превратил наши юные дни в сплошной кошмар.

Я любил читать и глотал книги с такой скоростью, что в маленькой библиотеке, где мы их брали, мою мать предупредили, чтобы она являлась за новой порцией не чаще двух раз в день. Вкус у меня был вполне мальчишеский, из авторов я предпочитал Майн Рида, из книг — «Охотников за скальпами». В совсем раннем детстве я и сам сочинил книжку и снабдил ее иллюстрациями. Там был человек, там был тигр, они встретились и слились воедино. В разговоре с матерью я сделал не по годам мудрое замечание: очень просто поставить человека в трудное положение, а вот вызволить — дело другое. Несомненно, всем сочинителям приключенческих книг пришлось усвоить эту истину.

На десятом году жизни меня определили в Ходдер, где готовят к Стонихерсту, большой римско-католической школе в Ланкашире. В Стонихерсте и продолжилось мое обучение; это обширное средневековое здание полторы сотни лет назад досталось иезуитам, которые учредили там частную школу, для чего привезли из одного голландского колледжа полный состав преподавателей. Курс наук был подобен самому зданию — средневековому, но основательному. Как я понимаю, ныне он осовременен. В школе было семь классов: начальный, арифметический, элементарный, грамматический, синтаксический, поэтический и риторический; на каждый отводился год, каковые семь лет я благополучно и отучил-

ся, с учетом двух классов в Ходдере. В последний год я выпускал журнал колледжа и сочинил немалое количество посредственных стихов. К тому же я прошел вступительный экзамен Лондонского университета — отличную всестороннюю проверку, которая завершает курс Стонихерста, — и, ко всеобщему удивлению, заслужил отличие, так что, проучившись все время ни шатко ни валко, в шестнадцать лет покинул школу, как ни странно, весьма успешным выпускником. Ранее, пока я учился, моей матери предложили освобождение от платы, если она согласится посвятить сына Церкви. Она отказалась, чем спасла и Церковь, и меня.

Мне, однако, пришлось провести у иезуитов еще один год: было решено, что приобретать профессиональные знания еще рано, а лучше отправиться в Германию для изучения немецкого языка.

СТУДЕНЧЕСКИЕ ВОСПОМИНАНИЯ

Вернувшись в Эдинбург из Германии, где за не лишенный приятности год ничем особенным не обогатил ни свой ум, ни душу, я обнаружил, что моя семья по-прежнему стеснена в средствах. Мне было назначено сделаться доктором — надо думать, главным образом потому, что Эдинбург славится как центр обучения медицине. В октябре 1876 года я был принят студентом, а в августе 1881-го выпущен бакалавром медицины. Между этими двумя датами пролегал череда однообразных дней, посвященных скучной зубрежке: ботаника, химия, анатомия, физиология и длинный список обязательных дисциплин, многие из которых имеют к искусству целительства весьма косвенное отношение.

В Эдинбурге никому из профессоров даже не приходило в голову завести дружбу или хотя бы ближе познакомиться с кем-нибудь из студентов. Отношения были сугубо деловые: ты платил, к примеру, четыре гиней за лекции по анатомии и в обмен получал зимний курс, профессора видел только за кафедрой и ни при каких обстоятельствах не вступал с ним в беседу. Меж тем среди профессоров имелись и весьма любопытные люди, и мы умудрялись многое о них узнать даже без личного знакомства.

Наиболее примечателен был Джозеф Белл, хирург из Эдинбургской больницы. Он был яркой личностью как внешне, так и внутренне. Худой, жилистый, темноволосый, крупный нос, умное лицо, пронизательный взгляд серых глаз, квадратные плечи, под-

прыгивающая походка. Голос высокий и немзыкальный. Хирург он был очень умелый, но самым сильным его качеством было умение поставить диагноз, причем не только болезни, но и занятий и характера человека. По причине, до сих пор мне неизвестной, он выделил меня из толпы студентов, посещавших его отделение, и сделал своим администратором по приему амбулаторных больных; моей обязанностью было их учитывать, делать краткие записи о жалобах и пропускать пациентов по одному в большую комнату, где важно восседал Белл, окруженный помощниками и студентами. Так я получил возможность изучить его методы и заметить, как часто он при помощи мимолетного взгляда узнавал о пациенте больше, чем я путем расспросов. Результаты бывали поразительны, хотя иногда он попадал пальцем в небо. Вот один из примеров его удач. Белл говорит пациенту (штатскому):

— Что, приятель, служили в армии?

— Да, сэр.

— Вышли в отставку не так давно?

— Недавно, сэр.

— Хайлендский полк?

— Да, сэр.

— Сержант?

— Да, сэр.

— Стояли на Барбадосе?

— Да, сэр.

— Видите, джентльмены, — объяснял он обыкновенно, — держится и выглядит этот человек прилично, но шляпу не снял. Так ведут себя армейские, хотя, будь он в отставке не первый год, усвоил бы штатские манеры. Смотрит властно, на вид явный шотландец. Что касается Барбадоса, то слоновая болезнь, которою он страдает, распространена в Вест-Индии, а не в Британии.

Многочисленным ватсонам, слушавшим Белла, его догадки казались чудом, но, получив объяснение, они убеждались, что нет ничего проще. Неудивительно, что, запомнив его методы, я использовал и развил их позднее, когда пытался создать образ ученого сыщика, который раскрывает дела благодаря собственной проницательности, а не промахам преступников. Белл очень заинтересовался этими детективными историями и давал советы — не особенно, надо сказать, пригодные. Я долгие годы поддерживал с ним связь, и он оказал мне деятельную помощь в 1901 году, когда я участвовал в эдинбургских выборах.

Когда я взялся помогать Беллу с амбулаторными пациентами, он предупредил меня о необходимости знать шотландские идиомы, а я с юношеской самоуверенностью заявил, что владею ими в достаточной мере. Получилось забавно. В один из первых дней пришел старик, который в ответ на мой вопрос заявил, что у него «чиряк под пазухом». Я был буквально сражен, к немалому удовольствию Белла. Похоже, пациент имел в виду абсцесс в подмышечной области.

Чуть ли не с самого начала я стремился освоить годичный курс наук за полгода, чтобы в освободившиеся месяцы немного подработать в должности ассистента, который готовит снадобья и выполняет прочие работы для доктора.

Именно в это время я впервые узнал, что шиллинги можно зарабатывать и не прикасаясь к аптечным пузырькам. Кто-то из моих друзей заметил, что стиль моих писем очень выразителен и я мог бы писать что-то за деньги. Надо сказать, литература обладала для меня неодолимым притяжением, а интересы мои были разнообразны и притом как будто вполне бесцельны. На ланч мне обычно полагалось два пенса, это была стоимость пирожка с бараниной, но рядом с пирожковой находилась другая лавка, букинистическая, где над бочонком, полным старых книг, красовалась надпись: «Любая за 2 пенни». Частенько стоимость моего ланча шла в уплату за какой-нибудь экземпляр из бочонка, и сейчас, когда я пишу эти строки, у меня под рукой стоят Гордонов Тацит, труды Темпла, Гомер Поупа, «Спектейтор» Аддисона и сочинения Свифта, все из этого двухпенсового хранилища. Всякий, кто знал мои интересы и вкусы, сказал бы, что столь сильные устремления непременно найдут себе выход, но я даже не мечтал стать автором сколько-нибудь достойной прозы, и замечание друга, человека ничуть не льстивого, застало меня врасплох. Однако же я сел за стол и написал небольшой приключенческий рассказик «Тайна долины Сэсасса». К моей неопишуемой радости и изумлению, рассказ приняли в «Чамберс джорнал» и уплатили за него три гинеи. Не важно, что другие попытки провалились. Однажды я уже добился своего и подбадривал себя мыслью, что смогу сделать это еще раз. Много лет после этого я не печатался в «Чамберсе», но в 1879 году мой «Рассказ американца» был опубликован в «Лондон сосайети», и я получил за него скромный чек. Однако мысль о подлинном успехе была еще от меня далека.

ПЕРВЫЙ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЙ ОПЫТ

В 1880 году мне довелось провести семь месяцев в арктических морях; я плавал на «Надежде», которой командовал Джон Грей, известный китобой. На судно я поступил в качестве врача, однако ко времени выхода в море мне исполнилось всего двадцать и мои познания в медицине не превышали уровень третьего курса университета. Вспоминая это, я часто радуюсь тому, что не столкнулся на судне ни с одним серьезным случаем.

На борт китобойного судна я вступил легкомысленным юнцом, на берег же сошел взрослым и сильным мужчиной. Впереди были выпускные экзамены, которые я сдал в конце зимней сессии 1881 года, заслужив отличные, но не выдающиеся оценки. Бакалавр медицины и магистр хирургии, я был хорошо подготовлен к профессиональной карьере.

Не имея никаких сколь-нибудь определенных планов, я был согласен поступить в армию, на флот, на службу в Индию, лишь бы занять вакансию. Но, совершив поездку на грузовом судне вдоль западного берега Африки, я в конце концов завел практику в Плимуте, [а затем перебрался в Саутси].

Неделю я потратил на осмотр пустующих домов и наконец решил снять за 40 фунтов в год Буш-виллу, которую любезный хозяин ныне переименовал в Дойл-хаус. На аукционе в Портси я купил мебели — возможно, даже не из вторых, а из десятых рук — примерно на 4 фунта. Ее хватило на все мои нужды, и я сумел обставить кабинет для приема пациентов: три стула, стол, ковер в центре комнаты. Для верхних комнат были куплены какая-никакая кровать и матрас. Я повесил привезенную из Плимута табличку, купил в кредит красный фонарь — сделал все чин по чину. Под конец у меня осталось два-три фунта. О слугах, конечно, речи идти не могло, и я каждое утро собственноручно чистил табличку, подметал крыльцо и наводил в доме относительную чистоту. Оказалось, я вполне обхожусь менее чем шиллингом в день, так что могу продержаться еще долго.

В то время я поместил несколько рассказов в «Лондон сосайети» — журнале, который нынче не издается, но тогда процветал под руководством некоего мистера Хогга. В апрельском номере 1882 года вышел мой рассказ «Кости», ныне благополучно забытый, в предыдущем, рождественском номере — «Блюменсдакский каньон»;

оба были слабым подражанием Брету Гарту. К этим рассказам, вкупе с упомянутыми выше, и сводилась вся моя тогдашняя литературная продукция. Я объяснил мистеру Хоггу свое положение и сочинил для его рождественского номера новую повесть — «Убийца, мой приятель». Хогг показал себя молодцом и прислал мне 10 фунтов, которые я отложил, чтобы оплатить аренду за первые три месяца. Годом позднее я уже не был им так доволен, поскольку он заявил полные авторские права на эти незрелые вещи и опубликовал их книгой с моим именем на обложке. Будьте на страже, молодые авторы, будьте на страже, иначе узнаете, что самый злостный ваш враг — это ваше прежнее «я»!

Тогда мне еще не приходило в голову, что можно жить за счет литературы, а не только от случая к случаю зарабатывать себе карманные деньги, хотя она уже начала определять мое существование: без нескольких фунтов, которые мне прислал мистер Хогг, я бы либо сдался, либо умер с голоду, а так можно было все прочие скромные поступления тратить на еду.

Неделя шла за неделей, перекинуться словом было не с кем, и я начал уже тосковать по домашнему кружку в Эдинбурге и задумываться о том, не пригласить ли кого-нибудь из родных в свой восьмикомнатный дом. Из девочек кто-то устроился гувернанткой, а кто-то учился этой профессии, но оставался еще малолетний брат Иннес. Если я его заберу, то облегчу жизнь и матери, и себе. Так и было устроено, и в один прекрасный вечер я обрел себе компаньона — мальчика в коротких штанишках, которому только-только пошел одиннадцатый год. Причем компаньона такого веселого и занимательного, что лучше и не пожелаешь. Скоро я нашел для него хорошую дневную школу и наша жизнь окончательно наладилась. Ему очень нравилось смотреть в Портсмуте на солдат, и его наклонности прирожденного лидера и руководителя ясно указывали на будущую карьеру. Мог ли я предвидеть, что мой брат заслужит отличия на величайшей из войн и умрет в цвете лет — но не прежде, чем узнает о полном разгроме противника? Однако даже в ту пору мысли наши были сосредоточены на войне, и я помню, как мы под дверью конторы местной газеты дожидались сведений о том, чем завершилась бомбардировка Александрии.

Некоторое время мы с Иннесом жили уединенно, деля между собой домашние труды и по вечерам, для моциона, совершая длительные прогулки. Потом меня осенила идея, и я поместил в вечерней газете объявление: предоставляю первый этаж дома тому, кто

возьмется вести наше хозяйство. С тех пор мы избавились от хлопот на кухне и зажили совсем благополучно.

В 1885 году брат уехал от меня в частную школу в Йоркшире. Вскоре после этого состоялось мое бракосочетание. Женитьба оказалась во многих отношениях поворотным пунктом моей биографии. Холостяк, в особенности неоднократно менявший место жительства, легко приобретает божественные привычки, и я не был исключением. До тех пор главной моей целью была медицинская карьера. Но когда жизнь сделалась более размеренной, появилось сознание ответственности, естественным образом созрел ум, и литератор стал преобладать над медиком, чтобы в конце концов вытеснить его полностью.

ПЕРВЫЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ УСПЕХ

В предшествовавшие женитьбе годы я время от времени сочинял рассказы, которые были достаточно хороши, чтобы получать за них какие-то гроши (в среднем четыре фунта за штуку), но недостаточно хороши, чтобы их перепечатывать. Они рассеяны по страницам «Лондон сосайети», «Круглого года», «Темпл-Бар», «Бойз оун пейпер» и прочих журналов. Там пусть и остаются. Они сослужили службу, хоть немного облегчив вечное бремя финансовых забот. Из этого источника поступало не более 10–15 фунтов в год, так что идея зарабатывать литературным трудом никогда не приходила мне в голову. Я ничего не выдавал, однако же накапливал. У меня до сих пор хранятся записные книжки, куда я заносил всякого рода сведения, собранные в это время. Большая ошибка — приступать к разгрузке, едва успев принять на борт груз. Благодаря своей медлительности и другим особенностям характера я этой опасности избежал.

Примерно через год после женитьбы я осознал, что могу без конца писать рассказы, но вперед так и не продвинулся. Требуется главное: чтобы твое имя стояло на корешке книги. Только таким путем ты утвердишь свою личность и получишь оценку своего труда. В 1884 году я начал писать приключенческий роман, который назвал «Торговый дом Гердлстон». Это была моя первая попытка создать связное повествование. За исключением нескольких отрывков, книга никуда не годится; она грешит подражательностью, как бывает обычно с первыми пробами пера, разве что автор ода-

рен особым оригинальным талантом. Я подозревал это тогда, впоследствии же увидел ясно. Когда издатели отвергли мой роман, я согласился с их решением, и после нескольких путешествий в город потрепанная рукопись нашла себе место в дальнем углу ящика письменного стола.

Я почувствовал, что способен писать четче и лаконичней, как настоящий профессионал. Мне нравился Габорио с его искусно сплетенными сюжетами, а мастер расследований месье Дюпен, герой Эдгара По, с детства был одним из моих кумиров. Но что я мог привнести от себя? Мне вспомнился мой давний учитель Джо Белл, его орлиный нос, причудливые повадки, его поистине магическое искусство умозаключений. Стань он сыщиком, ему наверняка удалось бы приблизить это увлекательное, однако плохо организованное ремесло к точной науке. Не попытаться ли мне сделать это за него? Не сомневаюсь, что в реальной жизни такое возможно, так почему бы не сочинить об этом книгу? Можно ограничиться утверждением, что сыщик умен, но читателю нужны примеры — вроде тех, какие Белл демонстрировал нам каждый день в больнице.

Идея показалась мне занимательной. Как же назвать своего героя? У меня до сих пор хранится листок из записной книжки с перечнем вариантов. Можно было бы дать сыщику имя с намеком — Шарп, к примеру, или Феррет, — но мне подобный убогий прием претит. Первоначально он звался Шеррингфорд Холмс, потом сделался Шерлоком Холмсом. Описывать свои подвиги сам он не мог, нужно было придать ему для контраста товарища, личность вполне заурядную. Последнему предстояло и участвовать в приключениях, и их описывать, а значит, он должен был владеть пером и быть человеком действия. Ему полагалось обычное, без претензий, имя. Вполне сойдет, к примеру, Ватсон. Замысел сложился, и так возник «Этюд в багровых тонах».

Зная, что он написан на пределе моих возможностей, я надеялся на успех. Когда «Гердлстон» стал с регулярностью почтового голубя возвращаться ко мне, я был расстроен, но не удивлен, поскольку понимал решение издателей. Но когда та же судьба постигла книжицу о Холмсе, меня это неприятно поразило: я знал, что она заслуживает лучшего. Джеймс Пейн похвалил книгу, но нашел ее одновременно и слишком короткой, и слишком длинной, и нельзя сказать, что он был не прав. «Эрроусмит» принял рукопись в мае 1886-го и в июле вернул непрочитанной. Двое или трое других презрительно ее отвергли. Наконец я послал ее «Уорду,

Локку и К^о», которые специализировались на легковесной, нередко сенсационной прозе.

«Дорогой сэръ, — написали они, — мы прочитали вашу повесть, и она нам понравилась. В этом году мы ее опубликовать не можем, так как рынок в настоящее время наводнен развлекательной литературой. Но если вы не против, она полежит у нас до следующего года и мы заплатим вам за авторские права двадцать пять фунтов.

Искренне ваши

„Уорд, Локк и К^о“

30 октября 1886 г.».

Предложение было не слишком привлекательное, и даже я, несмотря на свою бедность, задумался. Колебания были вызваны не столько скромным гонораром, сколько длительной отсрочкой, потому что эта книга проложила бы мне путь в литературе. Однако, пав духом из-за частых разочарований, я смирился с тем, что лучше поздно, чем никогда. Поэтому я согласился, и моя книга вышла в 1887 году как «Рождественский ежегодник Битона». Для Уорда—Локка сделка обернулась поразительной прибылью: помимо рождественского номера, они выпустили еще несколько изданий и за тот же нищенский гонорар получили ценные права на экранизацию. Мне от их конторы не поступило больше ни пенса, и, хотя по случайности именно они проложили мне путь к успеху, не думаю, что обязан Уорду и Локку особой благодарностью.

Ждать публикации оставалось долго, а в голове у меня зрели большие замыслы, поэтому я решился подвергнуть свои силы полной проверке, для чего избрал жанр исторического романа. Мне казалось, это единственная возможность сочетать в книге известные литературные достоинства с динамичным приключенческим сюжетом, к которому понятным образом тяготел мой молодой и пылкий ум. Этими соображениями я вдохновлялся, сочиняя «Михея Кларка» — книгу, давшую мне выход на большую дорогу приключений.

Но увы, хотя книжечка о Холмсе разошлась и обеспечила мне некоторую долю комплиментарных отзывов, я как будто снова уперся в закрытую дверь. Первым с романом ознакомился Джеймс Пейн, и его письмо с отказом начиналось словами: «Как, Бога ради, вам пришло в голову тратить свое время и мозги на исторические романы?» После года работы услышать такое было неприятно.

Потом последовал вердикт «Бентли»: «По нашему мнению, роману недостает того, что является необходимым украшением книги, а именно увлекательности; поэтому мы не думаем, что он сделается популярен в библиотеках и вообще у читателей». Высказался в свой черед и «Блэквуд»: «Недостатки романа помешают его успеху. Шансы привлечь внимание публики недостаточно высоки, чтобы мы рискнули его издать». Прочие отзывы удручали еще больше. Я готовился уже отправить манускрипт в богадельню к его пострадавшему собрату «Гердлстону», но напоследок решил все же попытаться счастья в издательстве «Лонгманз», где роман попал в руки Эндрю Лэнга, который его одобрил и рекомендовал принять. Именно Эндрю Пестровласому (как называл его Стивенсон) я и обязан своим настоящим дебютом, о чем никогда не забывал. Книга появилась в феврале 1889 года и, не имея оглушительного успеха, все же заслужила необычайно хорошие отзывы и продается без перерывов по сей день. Она стала первым краеугольным камнем моей какой-никакой литературной репутации.

Британская литература была тогда в Соединенных Штатах в большой моде по той простой причине, что права не охранялись и за них не требовалось платить. Это не шло на пользу британским авторам, но американским — тем более, потому что им приходилось выдерживать суровую конкуренцию. Как обычно бывает, грехи государства в себе же заключали наказание; страдали не только ни в чем не повинные американские авторы, но и сами издатели: то, что принадлежит всем, практически не принадлежит никому, и стоило им выпустить приличное издание, как тут же появлялся дешевый вариант. Я видел одно из своих ранних американских изданий, напечатанное на бумаге, какую торговцы используют как оберточную. Впрочем, имелся, мне кажется, и один плюс: британский автор, не лишенный достоинств, быстро зарабатывал признание за океаном и впоследствии, после принятия Закона об авторском праве, располагал готовым кругом читателей. Моя книжка о Холмсе была встречена в Америке довольно благосклонно, и однажды я узнал, что в Лондон приехал сотрудник журнала «Липпинкоттс», который желает со мной встретиться и договориться о книге. Само собой, я предоставил своим пациентам выходной и поспешил на встречу.

Стодарт, американец, оказался превосходным малым; за обедом присутствовали еще двое гостей. Это были ирландец Гилл, член парламента и очень интересный собеседник, и Оскар Уайльд,

уже успевший прославиться как поборник эстетизма. Вечер принес мне истинное наслаждение. Уайльд порастил меня тем, что читал «Михея Кларка» и был о нем высокого мнения, поэтому я не чувствовал себя абсолютным чужаком. Беседа с ним произвела на меня неизгладимое впечатление. Возвышаясь над всеми нами, он умудрялся проявлять интерес к каждому нашему слову. Он показал себя человеком тактичным и деликатным: ведь если собеседник, сколь бы он ни был умен, любит превращать разговор в монолог, ему далеко до подлинного джентльмена. Уайльд не только давал, но и брал, но то, что он давал, было бесподобно. Он бывал удивительно точен в высказываниях, тонко приправлял их юмором и подкреплял свою речь сдержанной, свойственной только ему жестиком. Воспроизвести это невозможно, но помню, как разговор зашел о войнах будущего и он, произнеся фразу: «С каждой стороны к пограничной линии двинется химик с бутылкой в руках», воздел руку и сделал строгое лицо, отчего описанная им гротескная сцена предстала перед нами как живая. Удачны и занимательны были и его анекдоты. Мы обсуждали циничную максиму, согласно которой удачи наших друзей вызывают у нас досаду. «Однажды дьявол шел по Ливийской пустыне, — начал Уайльд, — и набрел на мелких бесенят, которые мучили святого отшельника. Святой с легкостью отверг все искушения. Видя неудачу сотоварищей, дьявол выступил вперед, чтобы преподать им урок. „Топорная работа, — молвил он. — Позвольте-ка мне“. И прошептал на ухо святому: „Твой брат назначен епископом Александрийским“. Безмятежное лицо отшельника тут же перекосила злобная гримаса зависти. „Вот такие приемы, — заметил дьявол бесенятам, — я бываю и порекомендовал“».

Результатом вечера стало наше с Уайльдом обещание написать по книге для «Липпинкоттс мэгэзин». Уайльд исполнил его, сочинив такую высокоморальную книгу, как «Портрет Дориана Грея», я же написал «Знак четырех», где Холмс вторично выходит на сцену.

Ободренный теплым приемом, который «Михей Кларк» встретил у критиков, я задумался о чем-то еще более смелом и честолобивом. Замысел воплотился в двух книгах — «Белом отряде», от 1889 года, и «Сэре Найджеле», написанном четырнадцатью годами позднее. Из них мне больше нравится вторая, но не побоюсь сказать, что, вместе взятые, они полностью достигли цели — составить точный портрет великой эпохи — и что ничего лучшего, более за-

конченного и амбициозного я в жизни не писал. Всякий труд получает должную оценку, но, сдается мне, Холмс отодвинул в тень мои более весомые сочинения, и, не будь его, моя роль в литературе была бы признана куда более значительной. Для работы потребовалось множество разысканий, и у меня сохранились записные книжки, заполненные всякого рода сведениями. Стиль я практикую простой, длинных слов по возможности избегаю, и не исключено, что эта внешняя легкость иной раз мешает читателю оценить разыскания, лежащие в основе моих исторических романов. Впрочем, меня это не тревожит: я всегда полагал, что справедливость в конечном счете торжествует и истинные достоинства любого труда не будут забыты.

Помню, как я, написав заключительные слова «Белого отряда», ощутил прилив ликования и с криком «Ну все, готово!» швырнул свою ручку в дальнюю стену комнаты, где она оставила на серо-зеленых обоях черное чернильное пятно. В душе я знал, что роман обретет жизнь и осветит наши национальные традиции. Теперь, когда книга выдержала пять десятков изданий, полагаю, не будет нескромным сказать, что мои предвидения оправдались. Это была последняя книга, написанная в дни, когда я занимался врачебной практикой в Саутси, и она знаменует в моей жизни целую эпоху.

ВЕЛИКИЙ ПРОРЫВ

Это было прекрасно — снова оказаться в Лондоне, чувствуя при этом, что перед нами лежит настоящее поле битвы, где остается только победить или умереть, потому что мы сожгли за собой все корабли. Нынче мне легко, оглядываясь назад, думать, что исход был предreshен, тогда же дело обстояло иначе: репутация набирала силу, однако заработано было всего ничего. Меня поддерживала только вера в долгую жизнь «Белого отряда», который тогда месяц за месяцем печатался в журнале «Корнхилл». За себя я не тревожился, поскольку первые дни в Саутси основательно меня закаляли, однако теперь, будучи мужем и отцом, не мог и помыслить о том, чтобы вернуться к тому аскетическому образу жизни, который в прошлом был для меня приемлем и даже приятен.

Мы наняли квартиру на Монтегю-Плейс, и я стал искать, куда бы приладить свою табличку с надписью «Окулист». Мне было известно, что многие состоятельные люди не находят времени, что-

бы подобрать себе линзы, ведь в отдельных случаях при астигматизме процедура ретиноскопии бывает очень сложна. Я наловчился в этом занятии и любил его, поэтому надеялся, что оно принесет мне успех. Но, чтобы залучить к себе состоятельную клиентуру, требовалось, понятное дело, находиться с нею рядом и быть под рукой. Обойдя врачебные кварталы, я нашел наконец подходящее помещение на Девоншир-Плейс, 2, в начале Уимпол-стрит, по соседству со знаменитой Харли-стрит. За 120 фунтов в год я получил в свое полное распоряжение кабинет с окнами по главному фасаду и в частичное — комнату ожидания. Вскоре обнаружилось, что кабинет тоже сделался комнатой ожидания, и теперь я понимаю, что это было к лучшему.

Каждое утро я выходил из квартиры на Монтегю-Плейс, в десять занимал свое место в кабинете для консультаций и сидел там до трех или четырех, но ни один звонок не нарушал мой покой. Возможно ли вообразить себе лучшие условия для размышлений и работы? Это было все, о чем можно мечтать, и пока мое профессиональное начинание оставалось безуспешным, я имел все шансы дальнейшего продвижения в литературе. Возвращаясь к себе пить чай, я каждый раз приносил с собой плоды литературных занятий — начатки будущей обильной жатвы.

В то время выходило довольно много ежемесячных журналов, и в их ряду выделялся «Стрэнд», которым и по сю пору очень умело руководит Гринхо Смит. Когда я думал об этих журналах и разрозненных рассказах, в них публиковавшихся, мне пришла в голову мысль: если в ряде номеров печатать цикл историй, объединенных главным героем, и читателям они понравятся, это привяжет их к журналу. С другой стороны, мне давно думалось, что обычный роман с продолжением скорее вредит популярности журнала: рано или поздно читатель пропустит какой-нибудь номер и после этого потеряет весь интерес. Идеальным компромиссом представлялся сквозной персонаж, но завершенные истории: тогда покупатель будет уверен, что получит удовольствие от всего, что найдет в журнале. Кажется, мне первому пришла эта идея, и «Стрэнд мэгэзин» стал первым журналом, ее воплотившим.

Подыскивая центрального персонажа, я решил, что в цикл коротких рассказов отлично впишется Шерлок Холмс, которого я уже изобразил в двух книжках. Эти рассказы я и начал сочинять в долгие часы ожидания в своем кабинете. Смиты они сразу понравились, и он побудил меня продолжать. Улаживать за меня дело-

вые вопросы взялся А. П. Уотт, лучший литературный агент, благодаря которому я был избавлен от ненавистой торговли с издателями. Он повел дело так успешно, что вскоре я перестал заботиться о хлебе насущном. И это было очень кстати, поскольку ни один пациент так и не пересек моего порога.

Моя жизнь снова достигла перепутья, и Провидение, руку которого я ощущал постоянно, дало мне об этом знать способом не самым приятным. Однажды утром я пустился в свой обычный путь, но вдруг почувствовал озноб и, чудом не свалившись с ног, вернулся домой. Меня настигла злостная инфлюэнца, эпидемия которой была как раз в разгаре. Всего за три года до этого моя дорогая сестра Аннетт, всю жизнь посвятившая заботам о семье, умерла в Лиссабоне от этой же болезни, а ведь тогда мои дела пошли настолько успешно, что я мог бы наконец снять с нее бремя обязанностей, столь долго над ней тяготевших. Теперь настал мой черед, и я был близок к тому, чтобы последовать за Аннетт. Не припомню ни мук, ни особо тягостных ощущений или переживаний, однако же в течение недели моя жизнь висела на волоске, а потом я очнулся — слабый, как дитя, и такой же чувствительный, но с ясным, как кристалл, умом. Именно тогда, обзревая собственную жизнь, я понял, как глупо было расходовать свои литературные заработки на содержание кабинета на Уимпол-стрит, и ощутил дикий прилив радости от решения порвать с прежним ремеслом и доверить свою будущую судьбу писательству. Помню, как в восторге подхватил ослабевшими пальцами носовой платок, который лежал на покрывале, и, ликуя, подбросил его к потолку. Наконец-то я буду сам себе господин. Не нужно больше одеваться как доктор, не нужно никому угождать. Ничто не мешает мне жить как и где вздумается. Это был один из самых радостных моментов в моей жизни. Пришелся он на август 1891 года.

Итак, набравшись храбрости, я сел сочинять что-то, достойное именоваться литературой. В работе над Холмсом трудность заключалась в том, что каждый рассказ требовал четкого оригинального сюжета, какого хватило бы и на длинную книгу. Изобретать сюжеты в таком количестве — задача, требующая усилий. Они становятся натянутыми или вовсе не складываются. Теперь, когда меня больше не подгоняла настоятельная нужда в деньгах, я решил больше не писать ничего недостойного своих возможностей. Каждый рассказ о Холмсе должен содержать добротный сюжет и за-

гадку, интересную мне самому, иначе и других не заинтересовать. Если я сумел так долго длить существование Холмса и если публика сочтет, что последний рассказ о нем ничуть не хуже первого (а я на это рассчитываю), причина этому одна: я никогда, или почти никогда, не писал через силу. Некоторые утверждали, будто качество рассказов падало; наиболее точно это критическое суждение выразил один корнуоллский лодочник, сказавший мне: «Сдается мне, сэр, пусть Холмс не убит насмерть, когда упал с утеса, но все равно он до конца так и не пришел в себя». Думаю, однако, если читатель возьмется за цикл в обратном порядке и посмотрит на последние рассказы свежим взглядом, он согласится со мной в том, что, каков бы ни был их средний уровень, заключительный рассказ ни в чем не уступает первому.

Тем не менее я утомился изобретать сюжеты и наметил для себя работу, несомненно, менее прибыльную, однако более значимую в литературном отношении. Меня уже давно интересовали эпоха Людовика XIV и гугеноты — французское подобие наших пуритан. Я неплохо изучил мемуары, относящиеся к тому времени, и заготовил кучу заметок, так что написание «Изгнанников» заняло у меня не так уж много времени.

Но публика по-прежнему требовала историй о Шерлоке Холмсе, и время от времени я старался исполнить ее пожелания. Наконец, завершив два сборника, я увидел, что рискую сделаться ремесленником и к тому же полностью связать себя с низшим, как мне представлялось, жанром литературы. И вот, дабы показать, что настроен твердо, я вознамерился лишить своего героя жизни. Эта мысль сидела у меня в голове, когда мы с женой отправились на краткий отдых в Швейцарию, где при виде Райхенбахского водопада я понял, что в этом поразительном, внушающем трепет месте и должен упокоиться бедный Шерлок, пусть даже заодно с ним канет в бездну и мой банковский счет. Туда я его и отправил, будучи совершенно убежден, что он там останется, — и какое-то время так оно и было. Меня, однако, удивило огорчение публики. Говорят, человека начинают ценить по достоинству только после его смерти, вот и мне стало ясно, как много у Холмса друзей, не ранее, чем бесчисленный хор голосов принялся упрекать меня за скорую с ним расправу. «Скотина!» — так начиналось письмо протеста, посланное одной дамой, и, похоже, она говорила не только за себя. Я слышал, многие даже проливали слезы. Сам я, боюсь, проявил

полное бессердечие и только радовался новым просторам, открывшимся перед моим воображением, ведь прежде соблазн высоких гонораров мешал мне думать о чем-либо, кроме Холмса.

В том, что Холмс был для многих чем-то большим, нежели вымышленный персонаж, я убедился благодаря нескончаемым письмам, поступавшим на мой адрес с просьбой переслать их сыщику. Немало писем приходило и Ватсону: авторы желали узнать адрес или получить автограф его знаменитого *confrère*¹. Одно агентство, рассылавшее газетные вырезки, спрашивало Ватсона, не желает ли Холмс подписаться. Когда Холмс удалился от дел, несколько пожилых дам брались вести для него хозяйство, и одна из них, дабы повысить себе цену, уверяла меня, что прекрасно разбирается в пчеловодстве и умеет «отделять королеву». Не было недостатка и в клиентах, предлагавших Холмсу расследовать разнообразные семейные тайны.

Часто меня спрашивали, обладаю ли я сам качествами, которыми наделил Холмса, или же я Ватсон не только по внешности. Конечно, мне хорошо известно, что одно дело столкнуться с какой-то задачей в реальной жизни и совсем другое — разрешать ее на своих условиях. В то же время никакое умозрение не поможет сочинить литературного героя и придать ему жизнеподобие, если в тебе самом полностью отсутствуют хотя бы зачатки его свойств, — допущение довольно опасное для автора, из-под пера которого вышло немало злодеев. В моем стихотворении «Дальняя комната», где описывается многообразие нашего внутреннего мира, сказано:

Гости мрачные обжили
Угол мой,
Тенью проскользнув зловещей —
Как домой.
То причудливы, то строги, —
Дикари иль полубоги? —
Смутно мреют на пороге,
Скрыты тьмой².

Среди этих гостей найдется, возможно, и проницательный сыщик, но, как я убедился, в реальной жизни, чтобы до него доискаться, необходимо подавить всех остальных и привести себя в то особое расположение духа, когда дальнюю комнату населяет один-

¹ Собрать (*фр.*).

² Перевод Сергея Сухарева.

Дойл А. К.

Д 62   Этюд в багровых тонах. Приключения Шерлока Холмса : роман, рассказы / Артур Конан Дойл ; пер. с англ. Л. Бриловой, С. Сухарева. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2025. — 544 с. : ил. — (Классика детектива. Большие книги).

ISBN 978-5-389-28984-0

Английский врач и писатель сэр Артур Конан Дойл известен всему миру как непревзойденный мастер детективного жанра, автор множества произведений о гениальном сыщике Шерлоке Холмсе и его верном друге докторе Ватсоне. Классические переводы этих рассказов и романов, делавшиеся давно и множеством разных переводчиков, страдают известными недостатками: расхождения, пропуски, откровенные ошибки. Вашему вниманию предлагается первый том (роман «Этюд в багровых тонах», сборник «Приключения Шерлока Холмса») из четырехтомника с полным переводом всего холмсовского канона. Это воистину уникальное издание: все произведения цикла переведены заново Людмилой Бриловой и Сергеем Сухаревым — мастерами, чьи переводы Кадзуо Исигуро и Рэя Брэдбери, Фрэнсиса Скотта Фицджеральда и Чарльза Паллисера, Томаса Де Квинси, Германа Мелвилла и других давно стали классическими. При этом каждый том снабжен большим числом классических рисунков и дополнительными материалами: предисловия к ранним публикациям, воспоминания Конан Дойла, касающиеся тех или иных произведений, некоторые интервью писателя.

В данную книгу включен полный комплект иллюстраций Сидни Пэджета, сопровождавших исходную публикацию «Приключений Шерлока Холмса» в журнале «Стрэнд», а также иллюстрации Йозефа Фридриха к одному из первых чешских изданий «Этюда в багровых тонах».

УДК 821.111

ББК 84(4Вел)-44

АРТУР КОНАН ДОЙЛ

ЭТЮД В БАГРОВЫХ ТОНАХ

•

ПРИКЛЮЧЕНИЯ ШЕРЛОКА ХОЛМСА

Ответственный редактор Мадина Долаева
Редактор Михаил Назаренко
Художественный редактор Александр Балабанов
Подготовка иллюстраций Валерия Макарова
Технический редактор Мария Антипова
Корректоры Наталья Хуторная, Маргарита Ахметова

Подписано в печать / Баспаға қол қойылды 17.04.2025.
Формат издания 60 × 88 ¹/₁₆. Печать офсетная. Тираж 4000 экз.
Усл. печ. л. 33,32. Заказ № .

Изготовитель: ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» — обладатель товарного знака АЗБУКА®, 115093, Москва, вн. тер. г. муниципальный округ Даниловский, пер. Партийный, д. 1, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19 E-mail: sales@atticus-group.ru	Өндіруші: «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» ЖШҚ — АЗБУКА® тауар белгісінің иесі, 115093, Мәскеу, қ. іш. аум. Даниловский муниципалдық округі, Партийный т.ш., 1-үй, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19 E-mail: sales@atticus-group.ru
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» в г. Санкт-Петербурге, 191024, Санкт-Петербург, Херсонская ул., д. 12–14, лит. А Тел. (812) 327-04-55 E-mail: trade@azbooka.spb.ru www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru Отпечатано в России.	Санкт-Петербург қ. «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» ЖШҚ филиалы, 191024, Санкт-Петербург, Херсон көшесі, 12–14 үй, лит. А Тел. (812) 327-04-55 E-mail: trade@azbooka.spb.ru www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru Ресейде басып шығарылған.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін растау туралы
мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады: <http://atticus-group.ru/certification/>.

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)
Ақпараттық өнім белгісі
(29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

Y-ILD-38099-01-R